

Зря не мучься, не прекословь —
ты в душе навсегда, родная.
Это значит: даришь любовь,
это значит: живу, рыдая.

Есть ещё и такая грусть —
это Родина, с ней сегодня
будто заново жить учусь,
будто вновь душа не свободна.

Здесь и там никто за меня
не решит, что надобно делать,
чтобы сердце во имя дня
наступающего звенело!

Чтобы я себя не корил
и ночами не спорил с Богом,
чтобы ясно и честно жил,
на просторе земли широко.

По тайге иду, по лугам,
не пугаясь ночных видений,
и душа моя — вечный храм,
где молюсь красоте весенней.

* * *

Меж упругих ветвей краснотала
хищной птицей носился ветер,
но листва лишь шушала вяло,
будто плакала горько о лете.

А с утра в поднебесной сини,
над домами кирпичной кладки
стригли воздух белесый, как иней,
воробьи, белогрудки, касатки.

По шоссе многоликой лавиной,
словно кони в напряге рабочем,
прямо к центру катились машины
вдоль залитых бетоном обочин.

Злое солнце всходило всё выше,
распаяясь надрывно и жадно,
от жары прогибались крыши,
и асфальт накалялся смрадно.

И настало то горькое время,
столь подобное круговерти,
будто жизнь обратилась в лемех,
рвущий душу мою и предсердье.

Кто-то спас себя в водоёме,
кто-то — в сыро-тенистой роще.
Слава Богу, никто не помер,
может, смерть оттого и рошчет.

* * *

Теперь о чём бы я ни думал,
что б ни хотел, куда б ни шёл,
мне не печально, не угрюмо,
нет, даже очень хорошо!

Влюбился? Точно! Ну, и дело:
и в шестьдесят, как в двадцать пять,
светло без края и предела
свою страстью обладать!

Но что же будет, что же будет,
ведь надо думать и о том,
какие сплетни-пересуды
ползут, как ящеры, кругом!

А впрочем, если и бросаться
в любовь, то только с головой.
Не зря яркие цветы акаций,
не зря дрозд свищет молодой.

ГОРЯЩАЯ ДУША

Жизнь тяжела почти до смерти,
и в этом прав я, видит Бог.
Поэтому взрываюсь, сердце,
глаза, пылайте, словно стог!

Скорей свершайте дело, руки,
ведите, ноги, вдаль и вдаль,
где, пусть за яростные муки,
но мне себя не будет жаль.

Да и с чего бы, если рядом
со мной любовь, рука в руке!
Цветёт улыбкой, словно садом,
на дней бодрящем сквозняке.

И я смогу душой горячей
знать вдохновенные силы той,
когда нет страха в настоящем,
когда грядущий свет со мной!

И вновь она звенящей песней
так развернётся во весь мах,
что станет музыкой небесной
свет-жизнь, воспетая в стихах.

* * *

Жажда жизни, уж мне поверьте,
впредь сильнее тоски глухой.
И вопят пучеглазые черти,
будто тонут в реке ночной.

Стужа крепнет, пурга взметает
аж к созвездьям колючий снег.
И окрепнув, душа продолжает
вдохновляться любовью навек!!

Дорогая, родная, ну, где ты?!
Вновь скорей на мой зов отзовись!
Для того лишь я стал поэтом,
чтобы нашу прославить жизнь.

Или всё, о чём нам мечталось,
обратилось с годами в дым?
Если так, то какая жалость
оставаться душой молодым!

Только я не хочу скандалить,
как в бреду, злую водку пить.
Мне б с одной из сосновых далей
твердь небесную соединить.

Да уймьтесь, поганые черти,
всё равно я пребуду живой,
на прощанье угрюмой смерти,
как в насмешку, махнув рукой.

* * *

Нет, навек я не брошен тобой,
или хуже того — позабытый,
просто время горной рекой
понеслось по суровым плитам.

Не до встреч нам, совсем не до встреч,
каждый думает: “Как бы выжить
в этом мире, где смерти смерч
моё сердце упрямо слышит?”

И назло самым лютым годам
мы в разлуке живём бесстрашно,
только сил накопить бы нам,
словно гумуса доброй пашне.

Только помнить бы вновь и вновь,
что не хлеб всё же дар насущный,
а рождённая в муках любовь,
что дарует нам Всемогуший.

Но и против судьбы не пойти.
И мы что, согласимся с этим?
Никогда, ибо, ты уж прости,
но за нас до конца я в ответе!

И всё ярче в сознание мысль,
и всё жарче крутое дыханье,
и всё ближе и ближе высь
напоённого страстью желанья.

* * *

Как талый снег сочится влагой!
Знать, станет чуть теплее, и
по всем низинам и оврагам,
как птицы, запоют ручьи.

Хоть в отношениях с весною
налажу жизнь свою добром,
а то я чуть не смят любовью,
вдруг в сердце вспыхнувшей огнём.

“К чему? Зачем? В мои-то годы?” —
хотел бы враз себя спросить,
да чувствую, что нет свободы
полнее, чем навзрыд любить.

И вот опять спешу поверить,
что встреча нежная с тобой
мне обернётся в полной мере
тем счастьем, что зову судьбой.

Нет, что ни говори, а всё же
мне дышится куда полней,
ведь так душою снова ожил,
что будто смерть не звал своей.

Крещусь на небо благодарно,
чуть не кричу себе: “Держись!”
Ведь, может, правда лучезарно
созвездья надо мной сошлись.

* * *

Лихое время натягивается, как тетива,
вот-вот разразится с неистовой силой!
Какие к чёрту о мире живом слова,
когда впереди зияют одни могилы!

А ведь верилось, верилось, Боже мой!
Хоть в какой-то выход из чёрной бездны,
потому вдруг стало страшно, друг мой,
что, скорее всего, я навеки исчезну.

И бесстрашно в который раз хороню себя,
но непременно воскресаю снова и снова,
с каждым разом всё сильней Отчизну любя,
всё сильней ненавидя чужеродное слово!

Может быть, хватит, в конце концов?
Согласен, хватит! Но, видимо, волю
мне надо ковать и ковать над бездной годов,
ибо бессмертье заложено и на мою долю!

Вот и ладно! А перед будущим страх —
это не горечь, если ему на смену
приходит отчаянье и разметает в прах
всё, что любил, и даже злую измену.

* * *

Выходит, ночью вьюга выла
на самом деле не к добру,
грозя застенком и могилой,
враги явились поутру.

И начался допрос проклятый,
как будто я последний вор,
как будто я судьбой заклятый
на осужденье и позор!

Ответ держал не без обиды,
ведь в жизни больше я любил,
чем хладнокровно ненавидел,
как будто дьяволу служил.

Враги надменно ухмылялись,
поскольку право и закон
для них навек в былом остались,
как святость горьких похорон.

Какое оскуденье нравов!
невинных жертв уже не честь...
И русская рыдает слава,
и Русь свою хоронит честь.

* * *

Проснулся, выпался. Пора вставать!
А сколько на часах, шесть или пять —
неважно, ибо главное, что сердце
стучит, стучит, и полыхает взгляд,
и мысли в голове за рядом ряд,
готовые уже идти в бессмертье!

В окно врывается солёный ветер,
взмывает шторы, мчится по паркету,
а душу как бодрит-то — о-го-го!
А тут ещё чижи, дрозды, синицы
так в пение своём спешат раскрыться,
что, кроме радости, не знаю ничего!

Но для тебя в словах признание скрыто.
И в них душою, Богом позабытой,
влетаешь ты, как в чистую листву,
и строки, преисполнившись отваги,
я доверяю вновь и вновь бумаге,
ведь нет судьбы прекрасней наяву!

* * *

Мороз слабей стал понемногу,
но снег, наоборот, сильнее
нахрапом сыплет всю дорогу
на радость выездных саней.

Давай, Каурый, шире шагу!
А лучше разбегись рысцей.
Зря что ли знали мы отвагу
в борьбе с буранною судьбой.

Но если хмарь охватит душу,
ведь степь уж больно широка,
спою тебе, ты только слушай!
О горькой жизни ямщика.

Вот был мужик неустрашимый,
ну, самый праведный казак,
не то, что я, писатель вшивый,
пусть и пишу не кое-как...

А впрочем, что он нам, тем боле
в разборке пьяной был убит.
Мы просто погрустим о доле,
где каждый сам себя простит.

* * *

Пусть злой мороз скуёт порошу,
снег с головой засыплет вишни.
Дойду до ручки, но не брошу
писать о смерти, как о жизни.

Я к этому пришёл не сразу,
а после случая, друг милый,
когда сдыхал, как по приказу,
в больнице чуждой до могилы.

Но выжил, и теперь я знаю,
что делать в смерти вдохновенной
с тем, что стихи, где воскресаю,
слагать о жизни сокровенной.

Я не ревнивый, не ревнивый,
я просто страшно человечный!
Нельзя быть одному счастливым,
причём повсюду и навечно.

А я, счастливый сын Вилюя,
хотя бы потому, что в жизни
пусть безответно, но люблю я,
и потому не быть мне лишним.